

Малыш, расстроенный, уткнулся в отца и принялся тереть глаза. Вокруг было столько друзей, и Фэйфэй, которому тоже хотелось держать лицо, изо всех сил старался сдерживать слёзы.

Но шёрстка, которую он ждал два года, просто исчезла. Это было слишком большим ударом. Он крепко обнял Линь Сыняня и спрятал лицо у него на груди. Однако слёзы, которые он так пытался удерживать, всё равно предательски полились. От отчаяния и обиды малыш даже начал икать.

Цуй Гуан, только что произнёсший свою тираду, увидел плачущего Фэйфэя. Что тут поделаешь? Не успел Фэйфэй ответить, как он снова согнулся и принялся искать пропавшую шёрстку.

Линь Сынянь слегка развернулся, словно ленивец-отец, полностью укрывая своего маленького ленивца, и стал медленно поглаживать его по спине, тихо утешая:

— Фэйфэй, не бойся, папа тебя закрыл. Никто не видит, что Фэйфэй плачет. Не торопись, поплачь, если хочется, а когда перестанешь, тогда и остановишься. Не нужно себя сдерживать.

— Па... ик... папа, — Фэйфэй вцепился в рукав Линь Сыняня и горестно всхлипнул, — шёрстка... шёрстка пропала. Фэйфэй потерял шёрстку.

Фэйфэй сам не понимал, почему так вышло. Он точно знал, что шёрстку можно посадить, но почему, когда он её посадил, она исчезла?

Он так долго ждал, хотел вырастить много-много шёрстки, и вот всё пропало.

Малыш посмотрел на ожерелье из шёрстки, которое папа почти никогда не снимал, и ему стало ещё грустнее. В основном из-за чувства вины.

— Папа, я потерял подарки для всех. У-у-у, прости, — не выдержав, Фэйфэй снова расплакался. Его тихий, нежный голосок теперь дрожал от слёз.

Услышав это, Линь Сынянь посерьёзnel.

— Это не подарки для всех, — строго, но мягко сказал он. — Пока ты их не подарил, это твоя вещь. И ты вправе распоряжаться ею как хочешь. Поэтому, Фэйфэй, что бы ты ни решил сделать со своей шёрсткой, тебе не нужно ни у кого просить прощения.

— Но всем же понравилось, — поднял на него глаза Фэйфэй.

— Понравилось, но это всё равно принадлежит Фэйфэю, — властно заявил Линь Сынянь.

Хотя он и говорил так, в глубине души он уже строил планы. Вернувшись домой, он перевернёт весь Старый особняк семьи Линь вверх дном. Он не верил, что не сможет найти источник этой шёрстки.

А когда найдёт, то, неважно, что это будет, он обдерёт это догола, выстирает и положит рядом с подушкой Фэйфэя, чтобы малыш, проснувшись, мог загребать её пригоршнями и дарить кому захочет и сажать сколько захочет.

Слова Линь Сыняня успокоили Фэйфэя, и он перестал плакать. Подняв красные от слёз глаза на всех, кто помогал ему искать, он сказал:

— Не нужно больше искать, шёрстка уже пропала. Отдохните, пожалуйста.

Малыш хорошо помнил, что закопал шёрстку именно под этим деревом. Если её там нет, значит, она действительно исчезла. В таком случае, сколько ни ищи, её не найдёшь.

Фэйфэй слез с колен Линь Сыняня, утер глаза и направился к своему маленькому чемоданчику.

Все так долго помогали ему, наверняка проголодались.

Малыш открыл свой чемодан и щедро раздал все свои нетронутые запасы.

Чжан Сяоху, Эл, Лян Ханюй, Цуй Юань и Чу Сяохань, которые тоже изрядно испачкались в земле, помогая Фэйфэю, услышав, что больше искать не нужно, сначала подбежали к ручью, чтобы вымыть руки, и только потом взяли угощение.

Но одними снеками сыт не будешь. После утренней ловли рыбы и раскопок Чжан Сяоху чувствовал, как у него в животе урчит, словно гром. Он тут же закричал, что хочет есть, хочет шашлыка.

Время действительно близилось к трём часам дня, и все проголодались. Вскоре над лугом за клубился дымок. Малышам велели стоять в нескольких шагах от мангала и, сглатывая слюну, наблюдать за тем, как жарится мясо.

Специи для шашлыка были заранее приготовлены поваром. Взрослым оставалось только посыпать ими мясо или овощи, и тут же по округе разносился невероятно аппетитный аромат, который нагло проникал в носы и без того голодных детей.

Тарелки с шашлыком ставили на расстеленное на траве покрывало. И хотя дети были очень

голодны, они всё же послушно дождались, пока взрослые, ответственные за готовку, сядут вместе с ними, и только после этого с радостным криком потянулись к своим любимым кусочкам.

Фэйфэй сидел на траве, слева от него — друзья, справа — семья. Во рту таял ароматный жареный глютен. И вдруг он почувствовал, что грусть отступает.

Шёрстка пропала, это было очень обидно, но Фэйфэй чувствовал, что сможет дождаться следующей. И когда она снова появится в его руках, он точно запомнит: шёрстку сажать нельзя. Посаженная в землю шёрстка исчезает.

Размышляя об этом, Фэйфэй вдруг почувствовал, как что-то защекотало его под попой, словно кто-то щекочет его из-под земли.

Малыш доел свой глютен и встал, чтобы посмотреть, что там. Ничего.

— Фэйфэй, что ты ищешь? — спросил сидевший рядом Чу Сяохань.

Фэйфэй указал на свою попу.

— Щекотно, там внизу что-то щекочет Фэйфэя.

Чу Сяохань похлопал рукой по тому месту, где только что сидел Фэйфэй. Ничего не почувствовал. Он взял Фэйфэя за руку и пересадил на другое место.

— Может, там был жучок. Садись пока сюда.

Только Фэйфэй пересел, как на том месте, где он сидел, на глубине примерно метра-двух, белый пушистый комочек растерянно покрутился на месте, а затем устремился вглубь земли.

В мире гор и морей серебряные волосы Фэйфэя считались одним из десяти величайших сокровищ, и не без причины. Но, будучи квинтэссенцией силы самого зверя Фэйфэя, его волосы не могли быть отняты силой другим мифическим существом.

Только когда Фэйфэй сам дарил кому-то свою шёрстку, она могла проявить свою максимальную силу.

Если же её отнимали силой, она не имела никакого эффекта. В таком случае, если шёрстка в течение определённого времени не возвращалась к своему источнику, то есть к Фэйфэю, она меняла свои свойства: растворялась в воде, уходила в землю, становясь питательным веществом для всей земли.

Это был способ, которым зверь Фэйфэй возвращал долг миру гор и морей, который его породил.

Маленький зверёк Фэйфэй, действовавший инстинктивно, конечно, не знал всех этих тонкостей. В прошлый раз он подарил шёрстку Линь Сыняню совершенно случайно.

И сейчас, тоже случайно, малыш закопал её в землю. В земле не было ни людей, ни мифических зверей, ни других разумных существ. Поэтому, когда он снова раскопал ямку, шёрстки там, конечно же, уже не было.

А что касается того, почему у Фэйфэя возникло ощущение, что шёрстку можно посадить... Линь Сынянь был прав в одном: то, что принадлежит Фэйфэю, пока он это не подарил, остаётся его. Он может делать с этим всё, что захочет.

Поэтому, если Фэйфэй подсознательно хотел вырастить много-много шёрстки, его инстинкт, конечно же, отвечал ему: можно, делай что хочешь.

Сажать-то можно, но вот вырастет ли что-нибудь и можно ли будет это потом найти — это уже другой вопрос.

В тот день, когда пикник закончился и все стали уезжать, малыш, держа за руки дедушку и старшего дедушку, то и дело оглядывался.

Ему всё время казалось, что оттуда его что-то зовёт.

Через три дня после пикника в парке «Горы и моря» официально начались строительные работы. Рабочие, видимо, были людьми бывалыми. Глядя на изрытую землю, бригадир даже бровью не повёл. Экскаватор взревел и вонзил свой ковш в землю.

— С началом работ! — громко крикнул бригадир, сидевший в кабине.

— С началом! — подхватили остальные рабочие.

И все с энтузиазмом принялись за дело.

Парк «Горы и моря» был одним из крупнейших строительных проектов города С за последние годы. Казалось, что конца и края этой стройке не будет.

Сначала малыш всё время помнил об этом, но прошёл месяц, два, три, а парк всё ещё не был

построен. Фэйфэй понял: если он хочет попасть туда первым, придётся подождать ещё очень долго.

К тому же, Эл, как маленький надсмотрщик, сообщал ему о любом прогрессе на стройке, так что со временем Фэйфэй перестал постоянно спрашивать об этом.

Ведь дядя Уилсон пообещал, что команда дизайнеров «Мировое древо» будет первой, кто посетит парк после его открытия.

Поэтому Фэйфэй успокоился и стал ждать, посвятив всё своё внимание оставшимся весёлым дням в группе «Мировое древо».

Начальная школа «Цысин».

С наступлением мая вся начальная школа «Цысин» погрузилась в какое-то необъяснимое напряжение. Эта атмосфера передалась и другим классам.

Дундун уже давно не был тем зелёным школьником, который сбегал с уроков. Теперь он был Цзоу Дунъян — зрелый ученик начальной школы, кандидат в президенты школьного совета.

Правила в начальной школе «Цысин» были интересными. Школа жила по принципу: способный — наверх, бездарный — вниз. Поэтому, в отличие от других школ, где в совет принимали только с третьего класса, а на пост президента можно было претендовать не раньше четвертого, в «Цысин» не было строгих возрастных ограничений.

Если ты чувствуешь в себе силы, если у тебя есть смелость — даже будучи первоклассником, ты можешь выйти на сцену и побороться со старшеклассниками.

Дундун мысленно репетировал свою сегодняшнюю речь:

— Уважаемое руководство школы, классные руководители, члены школьного совета. Я, Цзоу Дунъян из первого класса, первого кабинета. Добрый день. Сегодня я баллотируюсь на пост президента школьного совета. Я уверен, что под моим руководством небо над школой «Цысин» станет ещё голубее, а вода — ещё чище. Я верю...

Проговорив про себя большой отрывок, Дундун почувствовал прилив уверенности. В его глазах блеснул огонёк, на лице появилось выражение непоколебимой веры в себя.

Уголок его губ тронула холодная, безжалостная усмешка. Он смотрел прямо перед собой, словно пытаясь пронзить взглядом стену и увидеть кого-то.

«Ха, Чжао Ци, я покажу тебе, что значит со мной тягаться. Рядом с Фэйфэем достоин стоять

только сильнейший. И этот сильнейший — я!»

<http://bllate.org/book/13654/1601724>